

Из истории советского этнографического финно-угроведения 1940–1950-х годов

А.Е. Загребин

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
zagreb72@izh.com

Аннотация

Статья посвящена советским финно-угорским этнографическим исследованиям в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие. Ключевым пунктом является история интеллектуального спора Д.В. Бубриха и Н.Н. Чебоксарова о путях развития финно-угроведения в СССР. Затрагиваются вопросы воздействия идей Н.Я. Марра на подходы к интерпретации этнографических материалов и дискуссия о космополитических влияниях в научных текстах советских финно-угроведов.

Ключевые слова:

советская этнография, финно-угроведение, полевые исследования, Великая Отечественная война, марризм, космополитизм

Предыстория

Завершение Гражданской войны в России и формирование нового типа государственности, основанного на принципах федерализма и жестком идеологическом каркасе большевизма, потребовало от властей обращения к народным энергиям и научным исследованиям. В 1920–1930-х гг., несмотря на имевшиеся расхождения в видении путей развития РСФСР/СССР, между учеными и правящей бюрократией возникло взаимопонимание, необходимое для начала социально-экономической модернизации. В числе первоочередных задач советского строительства находилась этническая тематика, ставшая одним из маркеров успешности социалистического переустройства. Демократизация образовательной политики, наряду с поддержкой национальных культур, открыла доступ к научной деятельности представителям этнических сообществ, ранее являвшихся объектом исследования. Одним из примеров познания ценности своей культурной среды и одновременно осознания ее родственности другим географически близким и далеким народам стал феномен советского финно-угроведения.

В первые десятилетия советской власти стихийное краеведческое движение и проводимая государством языковая политика в регионах, населенных финно-угор-

From the history of the Soviet ethnographic Finno-Ugric studies of the 1940s–1950s

A.E. Zagrebina

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar
zagreb72@izh.com

Abstract

The paper is devoted to the Soviet Finno-Ugric ethnographic studies during the Great Patriotic War and in the first post-war decade. The key point of the paper is the history of the intellectual dispute between D.V. Bubrikh and N.N. Cheboksarov about the development paths of the Finno-Ugric science in the USSR. It also highlights the influence of N.Ya. Marr's ideas on the approaches to the interpretation of ethnographic materials and the discussion on the cosmopolitan impacts in the scientific texts of the Soviet Finno-Ugric researchers.

Keywords:

Soviet ethnography, Finno-Ugric studies, fieldwork, the Great Patriotic War, marrism, cosmopolitanism

скими народами, обрели устойчивый базис, соединивший достижения дореволюционной эпохи с энтузиазмом пришедших в науку идей о практической применимости научного знания. Экспедиционные записи, грамматики и переводы христианской богослужебной литературы, описания быта и сборники фольклора и коллекции материального быта должны были послужить точкой отсчета для новой культурной истории воды, ижоры, карел, вепсов, коми, коми-пермяков, удмуртов, мордвы, марийцев, хантов и манси. Работы по созданию современных культур советских финно-угров велись в университетах и академических учреждениях, равно как в сельских клубах и деревенских школах.

Правда, было обстоятельство, не позволявшее его игнорировать, а именно наличие традиции изучения родственных народов финскими, венгерскими и эстонскими учеными. В условиях растущей конфронтации и идеологических расхождений прежнее научное взаимодействие стало затруднительным и советское финно-угроведение должно было искать свой путь. Выбор состоял в попытках структурного оформления направления в виде отдельного института, кафедры, научного общества, журнала или конференции, либо сегментации проблематики по конкретным плановым темам, экспедициям, диссертациям.

В обоих случаях первостепенны были меры по кадровому обеспечению советского финно-угроведения, знаковую роль в которых сыграл Д.В. Бубрих¹. В 1925 г. при его деятельном участии открылась кафедра финно-угорского языкознания в Ленинградском университете; одновременно, с 1926 по 1929 г., он был профессором кафедры угро-финских языков этнологического факультета МГУ-1, в том же году его избрали председателем угро-финской секции НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР. Обучая других, Д.В. Бубрих нуждался в научном общении с представителями устоявшихся школ финно-угроведения. Руководством Академии наук СССР были выделены средства для его полугодовой поездки в 1927–1928 гг. по научным центрам Германии и Финляндии [2, с. 632]. Д.В. Бубрих увидел в финно-угроведении, где изначально доминировал филологический компонент, то звено, что в текущих обстоятельствах приобретало особую актуальность.

Речь идет об этнографической составляющей финно-угорских исследований. Интерес к изучению бытовой культуры финно-угорских народов СССР стимулировался существенными отличиями в хозяйстве и социальной организации, а также наличием многочисленных фактов культурного влияния со стороны соседних иноязычных этносов. В материальной проекции древнее финно-угорское родство просматривалось не столь отчетливо, нежели на лингвистическом фоне. Таким образом, находились аргументы для дискуссии с западной финно-угорской этнографией, ориентированной на выявление культурных черт, роднящих западных и восточных финно-угров. Свидетельством качества советских этнографических трудов стали публикации, сделанные на западно-финских материалах Д.А. Золотаревым, на волжско-финских и пермских – В.П. Налимовым, К.П. Гердом, М.Т. Маркеловым и Т.Е. Евсевьевым. Особняком, но академически фундаментально представляли тему славяно-финно-угорских этнокультурных контактов труды Д.К. Зеленина.

Репрессивная волна 1930-х гг., казалось, предопределила сложности предстоящего выбора. Не так много оставалось возможностей для какой бы то ни было дальнейшей структуризации. Оставшиеся без старших товарищей молодые этнографы – финно-угроведы – В.Н. Белицер, Т.А. Крюкова, Н.Ф. Прыткова сосредоточились на музейной камеральной и преподавательской работе.

Назревающий конфликт с Финляндией вновь обратил внимание советских властей на отечественное финно-угроведение, особенно в отношении этнографических границ Карелии и карельской народной культуры². В рам-

¹ В 1911 г. А.А. Шахматов с группой академиков подготовил докладную записку о необходимости возвращения к финно-угроведению, поскольку «проводящаяся в Гельсингфорсе работа не может освободить русские ученые учреждения от обязанности изучать то, что так тесно связано с нашей страной в ее прошлом и настоящем». А.А. Шахматов предложил своему ученику Д.В. Бубриху сосредоточиться на проблемах финно-угроведения [1].

² Важность проблематики подчеркивалась тем, что на «карельские темы» начал писать чл.-корр. АН СССР Д.К. Зеленин, в эти годы вынужденный давать «ответ оппонентам», пытавшимся обвинить его в связях с западными славистическими центрами. Смелым является начало его статьи о быте карел, в котором он без доли критики цитирует книгу о происхожде-

ках обозначившегося интереса руководство Института этнографии АН СССР посчитало возможным в приоритетном порядке опубликовать посвященный карелам очерк из планируемого четырехтомника «Народы СССР» [4; 5]. Предвоенная советская этнография, как и другие общественные науки, руководствовалась трудами И.В. Сталина, в которых пыталась найти ответы на проблемные вопросы и указания на перспективные темы. Очевидно, этим желанием объяснялся разворот к сюжетам, связанным с этническим наполнением таких понятий, как племя, народность, народ, нация³. На финно-угорских материалах тех лет заметно, как смешались приоритеты – от изучения «крестьянских этносов» к охотничье-рыболовецким сообществам. В целом советская этнография к началу 1940-х гг. подошла методологически и кадрово обедненной. Этнографическое финно-угроведение в СССР не было исключением – практически всех этнографов коснулись репрессии.

Война и эвакуация

Великая Отечественная война внесла свои суровые коррективы в научные и жизненные планы этнографов, занимавшихся финно-угорской тематикой.

Восстановленный на работе в Институте языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР после двухлетнего следствия Д.В. Бубрих успел в последний предвоенный год совершить экспедицию по вновь образованной Карело-Финской ССР⁴. В сентябре 1941 г. он эвакуировался из осажденного Ленинграда в г. Сыктывкар, где на площадях Коми педагогического института разместился Карело-Финский университет, в обоих вузах профессор Д.В. Бубрих читал лекции и заведовал кафедрами⁵. Основная же научная деятельность была связана с Научно-исследовательским институтом языка, письменности и истории коми народа, входившего в структуру Базы АН СССР по изучению Севера, ученым секретарем которого он стал [8, с. 10]. Три материально тяжелых, но свободных года позволили Д.В. Бубриху вернуться к крупным темам, внушая надежду на осуществ-

нии финнов и финно-угорских народов, не так давно названного профессором-фашистом «покойного финского ученого У. Сирелиуса». Приводит он и данные из публикаций финских этнографов А.О. Хейкеля и И. Маннинена [3, с. 113–114].

³ В редакционной статье к ежегоднику Института этнографии АН СССР В.В. Струве пишет не только о попытках «троцкистско-бухаринских вредителей» исключить этнографию из числа самостоятельных наук, но, ссылаясь на работы вождя, отмечает: «Из данных слов товарища Сталина следует, что этнография является по отношению к истории самостоятельной научной дисциплиной, ибо у нее другой объект изучения – племя – нежели у истории, имеющей объектом изучения нацию» [6, с. 4–5].

⁴ В 1938 г. Д.В. Бубрих был арестован по обвинению в «обслуживании интересов финляндской буржуазии <...>», в шпионаже в пользу Финляндии, в контрреволюционной агитации и пропаганде в пользу Финляндии, и в участии (или даже создании) контрреволюционной организации, работавшей по заданию Финляндии» и осужден на 10 лет заключения, но после отправки материалов на исследование был освобожден в связи с прекращением «дела» [2, с. 636–637].

⁵ С 1 октября 1941 г. Д.В. Бубрих приступил к исполнению обязанностей заведующего кафедрой коми языка и литературы в Коми государственном педагогическом университете, читая финно-угроведческие дисциплины. В 1943/44 учебном году он возглавил кафедру финно-угорских языков историко-филологического факультета Карело-Финского государственного университета [7, с. 124].

вление идей советского финно-угроведения. Вместе с Карело-Финским университетом в 1944 г. он эвакуировался в г. Петрозаводск и после снятия блокады возвратился в Ленинград, где в числе выживших научных сотрудников был представлен к медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В тот победный год Д.В. Бубрих был награжден орденом Ленина.

До октября 1942 г. в Ленинграде оставалась Т.А. Крюкова – днем заведовавшая секцией народов Поволжья Государственного музея этнографии, а ночью выходявшая на тушение зажигательных бомб. Вернувшись из эвакуации в 1944 г., она возглавила в музее отдел Поволжья, методически курируя еще отдел Прибалтики [9, с. 285–286]. В исследовательском отношении Т.А. Крюкова преимущественно интересовалась изучением народной одежды и украшений марийцев, мордвы и удмуртов, ставших, как и тематика народного искусства, «острым местом» в послевоенной советской этнографии. Стечением обстоятельств за несколько дней до начала войны из Ленинграда в экспедицию к казымским хантам выехала сотрудница Института этнографии АН СССР Н.Ф. Прыткова. Полевой сезон продлился для нее на несколько лет в должности начальника Казымской культбазы, ответственного за просвещение обширного региона [10]. По возвращении из затянувшейся экспедиции она опубликовала краткий, но ёмкий отчет о времени, вещах и людях обско-угорского, ненецкого и коми пограничья.

Новацией военных лет стали комплексные академические экспедиции, призванные дать новое знание о ресурсной базе малоизученных областей, в условиях затяжных боевых действий, утраты части людского, военно-промышленного и сельскохозяйственного потенциала. Одна из таких экспедиций Института географии АН СССР работала в 1944 г. на территории Коми-Пермяцкого национального округа Молотовской области. Примечательно, что одним из итогов ее поисков стала монография, посвященная этнографии коми-пермяков, вышедшая в послевоенные годы и ставшая одним из объектов критики в период развенчания «марризма» в советской этнографии [11]. В годы войны этнография вновь становится востребованной наукой. Этнический фактор стал восприниматься как важное слагающее советского патриотизма.

На полях боев тогда остались многие этнографы, среди них «удмуртский аспирант» Д.К. Зеленин, ответственный секретарь проекта «Этнография народов СССР» И.М. Лекомцев [12, с. 10–11]. В Сталинградской битве погиб коми-этнограф Г.А. Старцев [13, с. 385]. Иной жизненный путь избрал его наставник профессор Н.Н. Поппе [14, с. 66–67]. Тотальная война заставила всех сделать свой выбор.

Новый догматизм и этногенетические поиски

Война и связанные с ней героизм, жертвенность и воля к победе советских людей стали для этнографов временем консолидации и определения новых исследовательских задач, что нашло отражение в программной послевоенной статье директора Института этнографии АН СССР С.П. Толстова. Заявленные им историзм этнографии, изучение культуры конкретного народа и междисципли-

нарность подходов к предмету научного интереса были понятны, приемлемы и предсказуемы для профессионального сообщества [15, с. 8–9]. Приоритет этногенетических проблем внушал оптимизм в части глубины разработки и допустимости научного дискурса, безусловно, в рамках официально одобренной методологии.

Исходя из этой логики, финно-угроведение в СССР также получало возможности изучения этногенеза и этнической культуры каждого родственного народа в отдельности, что не препятствовало синтезу наук в поисках общего и особенного их исторического пути. Быть может, в такой или близкой парадигме размышлял Д.В. Бубрих, принимая в 1947 г. предложение возглавить Институт истории, языка и литературы Карело-Финской базы АН СССР в г. Петрозаводске. Годом ранее он был избран членом-корреспондентом АН СССР по специальности «финно-угорское языкознание». Своими главными задачами на данном этапе он видел попытку решения проблемы происхождения карельского народа и сбор всех заинтересованных сил в научном оформлении советского финно-угроведения. Достижению первой цели должна была способствовать его монография [16]. Ко второй задаче Д.В. Бубрих и его единомышленники попробовали приблизиться путем проведения в Ленинграде Всесоюзной конференции финно-угроведов [17]. Несмотря на «филологическую маркировку», на тематических секциях выступали историки, археологи и этнографы, что, по мысли организаторов, подчеркивало комплексный характер советского финно-угроведения [18]. В полном объеме доклады участников конференции были опубликованы отдельным томом неперидической серии «Советское финноугроведение»⁶. Успех установочного мероприятия должен был быть закреплен в следующем году на конференции в Петрозаводске [20, с. 229]. Но неожиданно стали возникать сложности, о которых Д.В. Бубрих не мог предположить.

В 1945 г. по инициативе руководства Коми АССР и Базы АН СССР по изучению Севера в г. Сыктывкаре началось планомерное изучение европейского Северо-Востока страны силами академических учреждений. В этой связи республиканскими властями был подписан договор с Институтом этнографии АН СССР о создании Северной археолого-этнографической экспедиции. Общее руководство над ней принял антрополог и этнограф Н.Н. Чебоксаров, а этнографический отряд возглавила В.Н. Белицер, перешедшая в академический институт из Музея народов СССР [21]. Имея опыт исследований среди финно-угорских народов, она была незаменима как специалист, прежде всего, по материальной культуре [22, с. 142–146]. Народный быт, особенно в гендерном измерении, был сильной стороной ее этнографии. Погружаясь в материал, она сравнивала типологически близкие проявления в культурах разных народов, находила семантические связи и симво-

⁶ Как отмечалось редактором: «В деле издания этой серии центр и места будут сотрудничать. Отдельные томы будут выходить в Ленинграде и во всех шести финноугорских республиках – в Карело-Финской ССР, в Эстонской ССР, в Мордовской АССР, в Марийской АССР, в Удмуртской АССР, в Коми АССР» [19, с. 3–4].

лические отсылки к прошлому⁷. Двадцать лет в музейной системе координат научили ее ценить этнически окрашенные вещи не сами по себе, а в естественной связи с их недавними пользователями⁸. Переходя от одного коми села или зимовья к предметному ряду коми-пермяцких деревень, В.Н. Белицер могла до времени оставить методологические кондиции, столь памятные ей с довоенных поездок в поле. Иной позиции придерживался руководитель экспедиции.

В своих работах по «коми проблематике» Н.Н. Чебоксаров как специалист по физической антропологии показал не только умение интерпретировать фактологические материалы, но и способность соединять их с выдержками из письменных источников, равно использовать данные археологии [26]. Демонстрируя в динамике процессы взаимодействия локальных групп коми (зырян и пермяков) с обскими уграми, ненцами, тюрками и славянами на пространствах европейского Северо-Востока, он практически ни разу не упомянул о существовании финно-угорского языкового родства. Термины «финно-угорский» либо «финно-угроведение» словно намеренно исключались из вокабуляра, приличествующего описанию проблем этногенеза народов коми.

Многое прояснилось через несколько лет, когда появилась журнальная публикация, посвященная «конференции по финно-угорской филологии», в которой Н.Н. Чебоксаров с самого начала говорил о своем неприятии понятия финно-угроведения в качестве «новой советской научной дисциплины», в создании которой принимали участие «филологи, историки, археологи, этнографы и представители других смежных отраслей знания» [27, с. 176]. Основанием для такого заявления он считал то обстоятельство, что финно-угорские народы, с древнейших времен расселявшиеся на землях от Балтики и Дуная до Обь-Енисейского водораздела, никогда в истории не составляли этнического и культурного целого, будучи более тесно связаны с соседними «иноязычными» группами, чем между собой. В создании «советского финно-угроведения» автор статьи видит угрозу искусственного отрыва финно-угров от соседствующих с ними народов, прежде всего от восточных славян. Упрекая коллег в недостаточно полном использовании теоретического наследия Н.Я. Марра, он критиковал, прежде всего, Д.В. Бубриха, в котором видел идейного лидера неприемлемого «финноугроведения» и сторонника вестернизированной истории калевальской эпикки [27, с. 179–180]. Особо строго он оценивал тезисы доклада Д.К. Зеленина об общих элементах в древних финских и русских костюмах, замечая в них тенденцию к необоснованному возвышению западной культурной традиции в виде конвергенции модных проявлений [27, с. 180–182].

⁷ В этом отношении примечательна кандидатская диссертация В.Н. Белицер, посвященная народной одежде удмуртов в контексте проблем этногенеза удмуртского народа, защищенная в 1945 г. и опубликованная в ряде статей и позднее в виде монографии [23; 24].

⁸ В первые послевоенные годы В.Н. Белицер, работая среди разных групп коми и коми-пермяков, опиралась на личные неформальные связи среди работников краеведческих музеев, являясь негласным консультантом и официальным рецензентом многих выставочных и издательских финно-угорских проектов [25].

Итоги критического разбора были предсказуемы – любые попытки конструирования чего-либо «общего» заметно проигрывают полезности разработки «частного».

Символично выглядел вышедший менее чем через год очередной выпуск журнала советских этнографов, ключевыми темами которого стали 100-летний юбилей полного издания карело-финского народного эпоса «Калевала» и борьба с проявлениями чуждого отечественному народоведению буржуазного космополитизма. В редакторской статье был задан идейный лейтмотив, указывающий, что в ключевых пунктах противостояния марксистскому методу «космополиты и националисты» могут объединяться [28, с. 6]. Как это произошло с попытками последних лишить эпос родины и национальной принадлежности карело-финскому народу, т.е. привязки к территории Карело-Финской ССР⁹. Поскольку в традиции следовало не только дать общую оценку враждебных действий, равно выявить и осудить деятельность адептов подрывных теорий в программной статье «Задачи борьбы с космополитизмом в этнографии», наряду с трудами фольклористов В.В. Проппа и П.Г. Богатырева, наиболее жесткой критике был подвергнут доклад Д.К. Зеленина об общих элементах в древних русских и финских костюмах на ленинградской конференции 1947 г. по финно-угорской филологии [30, с. 24–25]. Упрек в низкопоклонничестве перед влиянием западных научных школ становился все более угрожающим обвинением в профессиональной сфере.

Скорость реакции на идеологический запрос отразилась в материале, вышедшем в том же номере журнала, содержащем отчет о прениях по проблеме космополитизма в советской этнографии. В очередной раз был осужден Д.К. Зеленин за доклад и статью в сборнике «Советское финно-угроведение, т. 1» и другое, довольное, чтобы «объявить жесточайшую борьбу всей системе ошибочных взглядов Зеленина» [31, с. 170]. В перечне обликов космополитизма, включая пантюркизм, паниранизм, панисламитизм, весьма тщательно был разобран панфиннизм, воплощенный в проведенной в Ленинграде конференции по финно-угорской филологии. Как отмечалось далее: «... Советская общественность финно-угорских народов была возмущена тенденцией создать такую комплексную финно-угорскую науку, идущую, с одной стороны, по пути выхолащивания культуры каждого отдельного народа, а с другой – по пути искусственного соединения их в какую-то финно-угорскую общность, противопоставляемую не только в лингвистическом, но и в историческом и культурном отношении русскому и другим народам СССР» [31, с. 174]. Теперь, когда космополиты и их пособники были определены, можно было ожидать решений по персоналиям, отдельным коллективам и направлениям исследований.

Между тем Д.В. Бубрих продолжал обороняться. В развернутом ответе на критику со стороны Н.Н. Чебоксарова он пытался доказать, что «советское финно-угроведе-

⁹ В подтверждение автохтонной теории, выступая с докладом «К вопросу об этнической принадлежности рун "Калевалы"» на юбилейной научной сессии Карело-Финской научной базы АН СССР, директор Института истории, языка и литературы Д.В. Бубрих отметил, что калевальские руны были созданы древним племенем «корела» – предком современного карело-финского народа [29, с. 152].

ние» не просто возможно, оно необходимо на современном этапе народоведческих поисков в СССР, в том числе учитывая нарастающее идеологическое противоборство с Западом, имеющим намерения по использованию финно-угорских исторических и филологических нарративов [32]. Примирительная тональность его выступления тем не менее не привела к ослаблению пафоса оппонентов. В пространной рецензии, посвященной критике тезисов в защиту «советского финно-угроведения», Н.Н. Чебоксаров вновь предостерегал: «... Не создавайте комплексной науки для изучения комплекса, которого нет ...» [33, с. 199]. Апеллируя к «финно-угорскому наследию» академика Н.Я. Марра, оппоненты хотели укрепить свою аргументацию щитом официально принятой методологии, искусно оперируя цитатами из работ классика этногенетических исследований. Д.В. Бубрих пытался уйти от догматического прочтения положений «нового учения о языке», соглашаясь, возражая и развивая его в нужных местах. Предел полемики наступил ровно с того места, где критик задался вопросом, как организаторы конференции по финно-угорской филологии позволили себе допустить «космополитические срывы», подобные «зеленинским пан-европейским (если не пан-глобальным) модам» [33, с. 204]. Адекватного ответа на этот вопрос не находилось.

Завершающей публикацией в серии статей Н.Н. Чебоксарова по проблемам финно-угроведения был текст, посвященный этногенетическим размышлениям, построенным в основном на данных антропологии [34]. Меньшего объема, чем прежние, она вышла после смерти Д.В. Бубриха, столкнувшегося с жесточенными нападками марристов и обвинениями в «контрабанде буржуазных идей» со стороны борцов с космополитизмом. Немалая часть статьи имела «личное измерение», касаясь самоосуждения в заблуждениях идей марризма (включая критику Д.В. Бубриха), получивших нелюбимые оценки в труде И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». В сутевом отношении статья примечательна по двум обстоятельствам. Во-первых, само название, настоятельно вводящее в научный оборот понятие – «угрофинны» (термин появился в советской науке в 1920-х гг., но не закрепился), вместо историографически устоявшихся «финноугров». Чем была вызвана такая замена однозначно сказать сложно, но можно предположить, что в том проявлялась попытка противопоставить «угрофинноведение» «финноугроведению». Тем более, что последнее было явно связано с «ленинградской конференцией» и ее инициатором. Кроме того, понятия – «финно-угры», «финно-угроведение», «финно-угорские исследования» в идеологическом смысле не были безупречны, прямо корреспондируя с финскими и иными «западными» терминами – “suomalais-ugrilainen kansatiede”, “finnisch-ugrische forschungen”, “finno-ougrienne” etc. Как будто в подтверждение противопоставления автор посвятил несколько страниц критике этнологических воззрений У.Т. Сирелиуса, Т. Итконена, Х. Паасонена, Э. Сётяля, И. Маннинена и более ранних исследователей финно-угорской лингвистики и этнографии, связывая их научные разработки с пропагандой «бредовой идеи “великой Финляндии” от Балтики до Урала» [34, с. 37–38]. Время меня-

лось, менялись оценки, и все получилось, как в случае с марризмом. Недавний законодатель научных мод оказывался неправ и низложен, а перемена политического курса Финляндии в сторону налаживания взаимовыгодного сотрудничества с СССР делала неуместными дальнейшие идеологические выпады. Возможно, поэтому «угрофинны» остались «финноуграми».

Новые возможности в проведении экспедиций и научном общении преодолевали, казалось, незыблемые границы и установки. Первым шагом, открывающим перспективы междисциплинарного синтеза, в ранее неисследованном советской этнографией поле была Балтийская этнографо-антропологическая экспедиция (1952–1955) [35, с. 189]. Участниками ее работ становились сотрудники Института этнографии АН СССР, с другой – этнографы, антропологи и фольклористы из республик Советской Прибалтики.

В 1949 г. к исследованиям в Эстонии присоединилась В.Н. Белицер [36]. Через четыре года она возглавила Мордовскую этнографическую экспедицию, ориентированную на разрешение проблем этногенеза и ранней этнической истории, а также фиксацию этнографии современности [37]. Ей же будет суждено стать участницей одного из рецидивов уходящей эпохи в истории советской этнографии. Разоблачение этнографов-марристов, ставшее одной из задач послевоенного этапа работы Института этнографии АН СССР, с неким умыслом было поручено этнографам, чьи работы сами «грешили» повышенным вниманием к семантике и символике народных облачений [38, с. 84]. Опубликованный после выхода критической статьи в «Правде» текст В.Н. Белицер и Г.С. Масловой был направлен на коррекцию идеалистических воззрений на смысл и назначение народной одежды [39]. Занятия разгадыванием орнаментов и толкованием особенностей кроя в ущерб утилитарной функции было признано вредным. По традиции осудили статью Д.К. Зеленина об общих элементах в древних русских и финских костюмах и «по касательной» затронули книгу Т.А. Крюковой о марийской вышивке [40]. Ранее сами авторы внесли соответствующую правку в личные монографии [41; 42]. Тем не менее политическая оттепель уже ощущалась в настроениях советских этнографов, в том числе в ожиданиях финно-угроведов.

Литература

1. Бубрих, Д.В. А.А. Шахматов как финноугровед / Д.В. Бубрих // А.А. Шахматов (1864–1920): сб. статей и материалов / под ред. С.П. Обнорского. – Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1947. – С. 435–455.
2. Мандрик, М.В. Лингвист Д.В. Бубрих: материалы к биографии и обзор фонда (№ 1112), хранящегося в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН / М.В. Мандрик // Миллеровские чтения – 2018. Преимущество и традиции в изучении и сохранении документального академического наследия / отв. ред. И.В. Тункина. Сер.: Ad Fontes. Вып. 14. – Санкт-Петербург: Реноме, 2018. – С. 628–643.
3. Зеленин, Д.К. О старом быте карел Медвежьегорского района Карело-Финской ССР / Д.К. Зеленин // Советская этнография. Сб. статей. – 1941. – Вып. 5. – С. 110–125.

4. Программа подготовляемого Институтом этнографии сборника «Народы СССР» // Советская этнография. Сб. статей. – 1939. – Вып. 2. – С. 210–212.
5. Линевский, А.М. Карелы / А.М. Линевский // Советская этнография. Сб. статей. – 1941. – Вып. 5. – С. 89–109.
6. Струве, В.В. Советская этнография и ее перспективы / В.В. Струве // Советская этнография. Сб. статей. – 1939. – Вып. 2. – С. 3–10.
7. Малкова, Т.А. Научная деятельность Д.В. Бубриха в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Т.А. Малкова // Европейский Север СССР в стратегии Второй мировой войны (на материалах Коми АССР). – Сыктывкар, 2005. – С. 123–131.
8. Жеребцов, И.Л. Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН: основные вехи истории (К 50-летию создания) / И.Л. Жеребцов // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2020. – № 2. – С. 5–27.
9. Решетов, А.М. Тернистый путь к этнографии и музею: страницы жизни Т.А. Крюковой / А.М. Решетов // Репрессированные этнографы. – 2003. – Вып. 2. – С. 269–300.
10. Прыткова, Н.Ф. Отчет о работе на Севере (1941–1945 гг.) / Н.Ф. Прыткова // Советская этнография. – 1946. – № 3. – С. 159–161.
11. Шишкин, Н.И. Коми-пермяки. Этнографический очерк / Н.И. Шишкин / под ред. акад. А.А. Григорьева и акад. И.И. Мещанинова: Институт географии АН СССР. – Молотов: Молотовгиз, 1947. – 140 с.
12. Решетов, А.М. Отдание долга. Часть II. Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР – воинов Великой Отечественной войны / А.М. Решетов // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 3. – С. 3–24.
13. Терюков, А.И. История этнографического изучения народов коми / А.И. Терюков. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2011. – 514 с.
14. Алпатов, В.М. Николай – Николас Поппе / В.М. Алпатов. – Москва: Восточная литература, 1996. – 144 с.
15. Толстов, С.П. Этнография и современность / С.П. Толстов // Советская этнография. – 1946. – № 1. – С. 3–11.
16. Бубрих, Д.В. Происхождение карельского народа: повесть о союзнике и друге русского народа на Севере / Д.В. Бубрих. – Петрозаводск: Гос. издательство Карело-Финской ССР, 1947. – 51 с.
17. Волков, Н.Н. Конференция по финно-угорской филологии / Н.Н. Волков // Советская этнография. – 1947. – № 2. – С. 219–221.
18. Научная конференция по вопросам финно-угорской филологии. 23 января – 4 февраля 1947 г.: тезисы докладов / отв. ред. чл.-корр. АН СССР Д.В. Бубрих. – Ленинград, 1947. – 104 с.
19. От редакции // Ученые записки ЛГУ. № 105. Серия востоковедческих наук. Вып. 2. Советское финноугроведение. Т. 1 / отв. ред. чл.-корр. АН, проф. Д.В. Бубрих. – Ленинград, 1948. – С. 3–4.
20. Шитов, Н. ИИЯЛ Карело-Финской базы АН СССР / Н. Шитов // Советская этнография. – 1948. – № 1. – С. 229–231.
21. Белицер, В.Н. Работа этнографического отряда комплексной экспедиции в Коми АССР / В.Н. Белицер // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. – 1947. – Вып. 3. – С. 3–12.
22. Загребин, А.Е. Полевая этнография В.Н. Белицер: забытые тексты экспедиций к удмуртам, коми и коми-пермякам в 1930–1950-х гг. / А.Е. Загребин, В.Э. Шарапов // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2015. – Вып. 4. – С. 139–150.
23. Белицер, В.Н. К вопросу о происхождении удмуртов (по материалам одежды) / В.Н. Белицер // Советская этнография. – 1947. – № 2. – С. 103–125.
24. Белицер, В.Н. К вопросу о происхождении бесермян (по материалам одежды) / В.Н. Белицер // Памяти Д.Н. Анучина (1843–1923). Труды института этнографии. Новая серия. Т. 1. – Москва–Ленинград, 1947. – С. 183–193.
25. Белицер, В.Н. Этнографическая экспозиция в краеведческом музее Коми АССР / В.Н. Белицер // Советская этнография. – 1946. – № 4. – С. 222.
26. Чебоксаров, Н.Н. Этногенез коми по данным антропологии / Н.Н. Чебоксаров // Советская этнография. – 1946. – № 2. – С. 51–80.
27. Чебоксаров, Н.Н. Некоторые вопросы изучения финноугорских народов в СССР (по поводу одной научной конференции) / Н.Н. Чебоксаров // Советская этнография. – 1948. – № 3. – С. 176–185.
28. Бессмертный эпос карело-финского народа // Советская этнография. – 1949. – № 2. – С. 3–6.
29. Чистов, К. 100-летие полного издания карело-финского народного эпоса «Калевала» / К. Чистов // Советская этнография. – 1949. – № 2. – С. 151–153.
30. Потехин, И.И. Задачи борьбы с космополитизмом в этнографии / И.И. Потехин // Советская этнография. – 1949. – № 2. – С. 7–26.
31. Корбе, О. Обсуждение доклада И.И. Потехина «Задачи борьбы с космополитизмом в этнографии» / О. Корбе, Г. Стратанович // Советская этнография. – 1949. – № 2. – С. 170–177.
32. Бубрих, Д.В. О советском финноугроведении / Д.В. Бубрих // Советская этнография. – 1949. – № 2. – С. 189–196.
33. Чебоксаров, Н.Н. Еще раз о некоторых вопросах изучения финноугорских народов / Н.Н. Чебоксаров // Советская этнография. – 1949. – № 2. – С. 197–204.
34. Чебоксаров, Н.Н. К вопросу о происхождении народов угрофинской языковой группы / Н.Н. Чебоксаров // Советская этнография. – 1952. – № 1. – С. 36–50.
35. Терентьева, Л.Н. Совещание по этнографии народов Советской Прибалтики // Советская этнография. – 1950. – № 2. – С. 189–193.
36. Белицер, В.Н. Этнографическая работа в Эстонской ССР в 1949 году / В.Н. Белицер // Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР. Вып. 12. – Москва, 1950. – С. 118–129.
37. Белицер, В.Н. Работа Мордовской этнографической экспедиции в 1953–1957 гг. / В.Н. Белицер // Советская этнография. – 1958. – № 4. – С. 117–128.
38. Алымов, С.С. Три этюда о «марризме» в советской этнографии // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 6. – С. 79–93.

39. Белицер, В. Против антимарксистских извращений в изучении одежды / В. Белицер, Г. Маслова // Советская этнография. – 1954. – № 3. – С. 3–11.
40. Крюкова, Т.А. Марийская вышивка / Т.А. Крюкова. – Ленинград, 1951. – 195 с.
41. Белицер, В.Н. Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу / В.Н. Белицер // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 10. – Москва: Издательство АН СССР, 1951. – 142 с.
42. Маслова, Г.С. Народный орнамент верхневолжских карел / Г.С. Маслова // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 11. – Москва: Издательство АН СССР, 1951. – 139 с.

References

1. Bubrikh, D.V. A.A. Shahmatov kak finnougroved [A.A. Shakhmatov as a Finno-Ugric specialist] / D.V. Bubrikh // A.A. Shakhmatov (1864–1920): Collected articles and materials / Ed. S.P. Obnorsky. – Moscow, Leningrad: USSR Ac. Sci. Publ., 1947. – P. 435–455.
2. Mandrik, M.V. Lingvist D.V. Bubrikh: materialy k biografii i obzor fonda (№ 1112), khranjashegosja v Sankt-Peterburgskom filiale Arhiva RAN [Linguist D.V. Bubrikh: materials of the biography and a review of the fonds (№ 1112) stored in the Sankt-Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences] / M.V. Mandrik // Millerovskie chteniya – 2018. Preemstvennost i tradicii v izuchenii i sohranении dokumentalnogo akademicheskogo naslediya [Miller Readings – 2018. Continuity and traditions in research and preservation of documentary academic heritage] / Ed. I.V. Tunkina. Ser.: Ad Fontes. – Sankt-Petersburg: Renome, 2018. – Issue 14. – P. 628–643.
3. Zelenin, D.K. O starom byte karel Medvezhjegorskogo raiona Karelo-Finskoy SSR [About the old way of life of the Karelians of the Medvezhyegorsky district of the Karelo-Finnish SSR] // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. Collected papers. – 1941. – Issue 5. – P. 110–125.
4. Programma prigotovljaemogo Institutom etnografii sbornika “Narody SSSR” [The program of the collection “Peoples of the USSR” prepared by the Institute of Ethnography] // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. Collected papers. – 1939. – Issue 2. – P. 210–212.
5. Linevsky, A.M. Karely [The Karelians] / A.M. Linevsky // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. Collected papers. – 1941. – Issue 5. – P. 89–109.
6. Struve, V.V. Sovetskaja etnografija i ee perspektivy [Soviet ethnography and its prospects] / V.V. Struve // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. Collected papers. – 1939. – Issue 2. – P. 3–10.
7. Malkova, T.A. Nauchnaja dejatel'nost' D.V. Bubrikha v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945) [D.V. Bubrikh's scientific activity during the Great Patriotic War (1941–1945)] / T.A. Malkova // Evropejskij Sever SSSR v strategii Vtoroj mirovoj vojny (na materialah Komi ASSR) [The European North of the USSR in the strategy of the Second World War (based on the materials of the Komi ASSR)]. – Syktyvkar, 2005. – P. 123–131.
8. Zherebtsov, I.L. Institut yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra UrO RAN: osnovnye vekhi istorii (k 50-letiyu sozdaniya) [Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences: the main milestones in the history (to the 50th anniversary of its creation)] / I.L. Zherebtsov // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. – 2020. – № 2. – P. 5–27.
9. Reshetov, A.M. Ternisty put k etnografii i muzeju: stranitsy zhizni T.A. Kryukovoy [The thorny path to ethnography and museum: life pages of T.A. Kryukova] / A.M. Reshetov // Represirovannye etnografy [Repressed ethnographers]. – 2003. – Issue 2. – P. 269–300.
10. Prytkova, N.F. Otchet o rabote na Severe (1941–1945) [Report on work in the North (1941–1945)] / N.F. Prytkova // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. – 1946. – № 3. – P. 159–161.
11. Shishkin, N.I. Komi-permjaki. Etnograficheskiy ocherk [The Komi-Permians. Ethnographic essay] / N.I. Shishkin / Ed. Academician A.A. Grigoriev and Academician I.I. Meshchaninov. Institute of Geography of the USSR Academy of Sciences. – Molotov: Molotovgiz, 1947. – 140 p.
12. Reshetov, A.M. Otdanie dolga. Chast II. Pamayati sotrudnikov Instituta etnografii AN SSSR – voinov Velikoi Otechestvennoi voiny [Last respects payment. Part II. In memory of the members of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences – soldiers of the Great Patriotic War] / A.M. Reshetov // Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. – 1995. – № 3. – P. 3–24.
13. Teryukov, A.I. Istorija etnograficheskogo izuchenija narodov komi [History of ethnographic research of the Komi peoples] / A.I. Teryukov. – Sankt-Petersburg: MAE RAS, 2011. – 514 p.
14. Alpatov, V.M. Nikolay – Nicholas Poppe / V.M. Alpatov. – Moscow: Vostochnaya literatura, 1996. – 144 p.
15. Tolstov, S.P. Etnografiya i sovremennost' [Ethnography and modernity] / S.P. Tolstov // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. – 1946. – № 1. – P. 3–11.
16. Bubrikh, D.V. Proishozhdenie karelskogo naroda: povest o soyuznike i druge russkogo naroda na Severe [The origin of the Karelian people: a tale about an ally and friend of the Russian people in the North] / D.V. Bubrikh. – Petrozavodsk: State. Publ. of the Karelo-Finnish SSR, 1947. – 51 p.
17. Volkov, N.N. Konferencija po finno-ugorskoj filologii [Conference on Finno-Ugric philology] / N.N. Volkov // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. – 1947. – № 2. – P. 219–221.
18. Nauchnaya konferencija po voprosam finno-ugorskoj filologii [Scientific conference on Finno-Ugric philology]. January 23 – February 4, 1947: Abstracts of reports / Ed. Corr.-Mem. USSR Academy of Sciences D.V. Bubrikh. – Leningrad, 1947. – 104 p.
19. Ot redakcii [From the editorial board] // Uchenye zapiski LGU [Scientific notes of the Leningrad State University]. № 105. Series of Oriental Sciences. Issue 2. Soviet Finno-Ugric Studies. Vol. 1 / Ed. Corr.-Mem. USSR Academy of Sciences, Prof. D.V. Bubrikh. – Leningrad, 1948. – P. 3–4.

20. Shitov, N. Ilyal Karelo-Finskoi bazy AN SSSR [Institute of History, Language and Literature of the Karelian-Finnish Base of the USSR Academy of Sciences] / N. Shitov // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. - № 1. - P. 229-231.
21. Belitser, V.N. Rabota etnograficheskogo otriada kompleksnoi ekspeditsii v Komi ASSR [The work of the ethnographic team of a complex expedition to the Komi ASSR] / V.N. Belitser // Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR [Brief reports of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR]. - 1947. - Issue 3. - P. 3-12.
22. Zagrebin, A.E. Polevaia etnografia V.N. Belitser: zabytye teksty ekspeditsii k udmurtam, komi i komi-permiakam v 1930-1950-h gg. [Field ethnography of V.N. Belitser: forgotten texts of expeditions to the Udmurts, Komi and Komi-Permians in the 1930s-1950s] / A.E. Zagrebin, V.E. Sharapov // Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. - 2015. - Vol. 4. - P. 139-150.
23. Belitser, V.N. K voprosu o proiskhozhdenii udmurtov (po materialam odezhdy) [On the origin of the Udmurts (based on clothing materials)] / V.N. Belitser // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. - 1947. - № 2. - P. 103-125.
24. Belitser, V.N. K voprosu o proiskhozhdenii besermian (po materialam odezhdy) [On the origin of the Besermians (based on clothing materials)] / V.N. Belitser // In Memory of D.N. Anuchin (1843-1923). Proceedings of the Institute of Ethnography. A new series. Vol. 1. - Moscow-Leningrad, 1947. - P. 183-193.
25. Belitser, V.N. Etnograficheskaya ekspozitsia v kraevedcheskom muzee Komi ASSR [Ethnographic exposition in the Komi ASSR Museum of Local Lore] / V.N. Belitser // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. - 1946. - № 4. - P. 222.
26. Cheboksarov, N.N. Etnogenez komi po dannym antropologii [Ethnogenesis of Komi people according to the anthropology data] / N.N. Cheboksarov // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. - 1946. - № 2. - P. 51-80.
27. Cheboksarov, N.N. Nekotorye voprosy izucheniya finnougorskikh narodov v SSSR (po povodu odnoi nauchnoi konferentsii) [Some questions on the study of Finno-Ugric peoples in the USSR (about one scientific conference)] / N.N. Cheboksarov // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. - 1948. - № 3. - P. 176-185.
28. Bessmertnyi epos karelo-finskogo naroda [The immortal epos of the Karelian-Finnish people] // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. - 1949. - № 2. - P. 3-6.
29. Chistov, K. 100-letie polnogo izdania karelo-finskogo narodnogo eposa "Kalevala" [To the 100th anniversary of the complete edition of the Karelian-Finnish folk epos "Kalevala"] / K. Chistov // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. - 1949. - № 2. - P. 151-153.
30. Potekhin, I.I. Zadachi borby s kosmopolitizmom v etnografii [The tasks of combating the cosmopolitanism in ethnography] / I.I. Potekhin // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. - 1949. - № 2. - P. 7-26.
31. Korbe, O. Obsuzhdenie doklada I.I. Potekhina "Zadachi borby s kosmopolitizmom v etnografii" [Discussion of I.I. Potekhin's report "The tasks of combating the cosmopolitanism in ethnography"] / O. Korbe, G. Stratanovich // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. - 1949. - № 2. - P. 170-177.
32. Bubrikh, D.V. O sovetskom finnougrovedenii [About the Soviet Finno-Ugric studies] / D.V. Bubrikh // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. - 1949. - № 2. - P. 189-196.
33. Cheboksarov, N.N. Eshe raz o nekotorykh voprosakh izucheniya finnougorskikh narodov [Once again about some research issues of the Finno-Ugric peoples] / N.N. Cheboksarov // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. - 1949. - № 2. - P. 197-204.
34. Cheboksarov, N.N. K voprosu o proiskhozhdenii narodov ugrofinskoj yazykovoi gruppy [On the issue of the origin of the peoples of the Ugro-Finnic language group] / N.N. Cheboksarov // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. - 1952. - № 1. - P. 36-50.
35. Terentyeva, L.N. Soveshanie po etnografii narodov Sovetskoi Pribaltiki [Meeting on ethnography of the peoples of the Soviet Baltics] / L.N. Terentyeva // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. - 1950. - № 2. - P. 189-193.
36. Belitser, V.N. Etnograficheskaya rabota v Estonskoi SSR v 1949 godu [Ethnographic work in the Estonian SSR in 1949] / V.N. Belitser // Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR [Brief reports of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences]. - 1950. - Issue 12. - P. 118-129.
37. Belitser, V.N. Rabota Mordovskoi etnograficheskoi ekspeditsii v 1953-1957 godakh [The work of the Mordovian ethnographic expedition in 1953-1957] / V.N. Belitser // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. - 1958. - № 4. - P. 117-128.
38. Alymov, S.S. Tri etyuda o "marrizme" v sovetskoj etnografii [Three etudes on "marrism" in Soviet ethnography] / S.S. Alymov // Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. - 2008. - № 6. - P. 79-93.
39. Belitser, V. Protiv antimarksistskikh izvrashenii v izuchenii odezhdy [Against anti-Marxist perversions in research of clothing] / V. Belitser, G. Maslova // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. - 1954. - № 3. - P. 3-11.
40. Kryukova, T.A. Mariiskaya vyshivka [Mari embroidery] / T.A. Kryukova. - Leningrad, 1951. - 195 p.
41. Belitser, V.N. Narodnaya odezhda udmurtov. Materialy k etnogenezu [Folk clothing of the Udmurts. Materials for ethnogenesis] / V.N. Belitser // Proceedings of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. A new series. Vol. 10. - Moscow. Izd-vo AN SSSR, 1951. - 142 p.
42. Maslova, G.S. Narodnyi ornament verkhnevolzhskikh karelii [Folk ornament of the Upper Volga Karelians] / G.S. Maslova // Proceedings of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. A new series. Vol. 11. - Moscow: USSR Ac. Sci. Publ., 1951. - 139 p.

Благодарность (госзадание)

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики в регионах Европейского Севера России (№ государственного учета 122040800166-0).

Информация об авторе:

Загребин Алексей Егорович – профессор РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0001-9381-9581> (Институт языка, литературы и истории Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»; Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zagreb72@izh.com).

Author:

Aleksei E. Zagrebin – Professor of the RAS, Doctor of Sciences (History), Chief Researcher at the Institute of Language, Literature and History FRC Komi SC UB RAS, <https://orcid.org/0000-0001-9381-9581> (Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation, 167982; e-mail: zagreb72@izh.com).

Для цитирования:

Загребин, А.Е. Из истории советского этнографического финно-угроведения 1940–1950-х годов / А.Е. Загребин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 176–184.

For citation:

Zagrebin, A.E. Iz istorii sovetskogo etnograficheskogo finno-ugrovedeniya 1940-1950-h godov [From the history of the Soviet ethnographic Finno-Ugric studies of the 1940s-1950s] / A.E. Zagrebin // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 176–184.

Дата поступления рукописи: 17.02.2023

Прошла рецензирование: 27.02.2023

Принято решение о публикации: 27.02.2023

Received: 17.02.2023

Reviewed: 27.02.2023

Accepted: 27.02.2023